

Либо он будет невероятно жестоким, способным на всё как по отношению к другим, так и к себе, сможет проложить путь через смерть, в отчаянии будет цепляться за жизнь до последнего, не сдаваясь до конца, не отступая перед препятствиями. Но также легко может пойти по неправильному пути, говоря прямо, легко может испортиться.

Либо он будет бесполезным тряпкой, полагающимся на небо, на землю, на других, но только не на себя, живя как кусок грязи, без характера, без смелости.

Хоть сейчас он и умеет хитрить, будущее его непредсказуемо.

И тут бабушка Шао, видимо, что-то вспомнив, схватила скалку с разделочной доски, указала ею на парочку, показала на угол и грозно сказала:

— Вечно вы только и делаете, что создаёте проблемы, не могли бы сидеть спокойно дома, что ли? На попе шипы выросли, а на ногах, видимо, колеса...

Бабушка Шао не успела закончить, как пришла жена старины Чэня, чтобы попросить зелени.

Когда женщины собираются вместе, разговоров много, а когда старые женщины, то разговоров просто море, сплетни о соседях и мелочах измеряются тоннами.

Говорили, говорили, и зашла речь о пропаже девочки из семьи Ли. Слухи среди соседей распространяются быстрее «Боинга 747», и за такое короткое время все сплетницы уже знали, что Сиси вернулась.

Но, как говорили, она была немного не в себе, глаза не двигались, не моргали, слёзы лились ручьём, лицо было застывшим. Только что позвали старику Чэню.

Пока взрослые сплетничали, двое малышей стояли у стены, прижавшись друг к другу.

Шао Ицяннь привык к побоям, поэтому выглядел равнодушно, ему было скучно, и он потянул за косичку Янь Яня.

Янь Янь молча отнял свою косичку.

Шао Ицяннь, не унимаясь, снова потянул, и Янь Янь снова отнял.

Шао Ицянню стало очень весело, и он снова потянул.

Янь Янь повернулся к нему, поднял глаза и серьёзно сказал:

— Если ты ещё раз дёрнешь за косичку, я рассержусь.

Шао Ицяннь был так развеселен его официальным тоном, что уже собирался потянуть в четвёртый раз, как вдруг получил удар — бабушка Шао, оказавшись сзади, ударила его скалкой по ладони.

На этот раз атмосфера была не такой, как во многих предыдущих случаях.

На этот раз бабушка Шао была без эмоций, без гнева, просто била его раз за разом.

Раньше, когда Шао Ицяннь делал что-то плохое, он знал, за что его бьют, обычно извинялся, либо упрямо спорил.

Но на этот раз он не проронил ни слова, забыл обо всех своих хитростях, стиснул зубы, сдерживая дыхание, всё тело дрожало, но взгляд был упрямым, полным решимости.

Так они молча продолжали, один бил, другой терпел, пока вдруг не раздался звук — скалка вылетела из рук и ударилась о мотоцикл под большим платаном.

Упрямство Шао Ицяня взяло верх, он с досадой подошёл, поднял скалку и снова протянул её бабушке Шао, глаза его горели, словно в них пылали два огонька.

Бабушка Шао не взяла её, а, ковыляя на своих старых ногах, вернулась в дом, а когда вышла, в руках у неё были белый лист бумаги и коробочка с красной краской.

Шао Ицянь был в недоумении.

Бабушка Шао открыла коробочку, без лишних слов взяла руку Шао Ицяня, окунула её в краску, убедившись, что вся ладонь покрыта краской, и прижала к белому листу.

На бумаге появилась ладонь, разделённая на две части — у Шао Ицяня была поперечная линия на ладони, «линия, пронзающая сердце», которая шла прямо от одного края ладони до другого, идеальный пример.

... В общем, эта немая сцена между старым и малым была весьма странной.

Бабушка Шао аккуратно сложила лист бумаги, молча сунула его в карман Шао Ицяня и только тогда спросила:

— Ты понимаешь, в чём ошибка?

Шао Ицянь, как настоящий ребёнок, надул губы и сказал тоном, каким обычно говорят «Разрешите войти» перед входом в класс:

— Я не ошибался!

Бабушка Шао шлепнула его по затылку:

— Если бы ты не ошибался, я бы тебя не била! Ты ещё маленький, многого не понимаешь. Когда вырастешь или чуть-чуть поумнееешь, поймёшь, что каждый твой день — это не только твоя жизнь, эх... Ты ничего не понимаешь, только играешь в ложного героя, а это не ответственность.

Когда разговор дошёл до такого уровня, мозг Шао Ицяня превратился в кашу.

Теперь очередь дошла до Янь Яня.

Бабушка Шао ещё не успела ничего сказать, как малыш, почувствовав опасность, вдруг бросился к ней, обхватил её ноги и зарыдал так, что казалось, будто небо и земля смешались, и выкрикнул целую фразу:

— Тётя, я виноват, я не застелил постель перед выходом, я украл магнитофон дяди, магнитофон сломался по дороге, но тётя, я сломал зуб, как же больно...

Бабушка Шао:

— ...

Она наклонилась, подняла Янь Яня, осмотрела его челюсть и действительно обнаружила, что один передний зуб выпал, оставив чёрную дыру, что было довольно забавно. Вспомнив о своей сестре, чьё местонахождение до сих пор неизвестно, она только щёлкнула его по лбу и, напевая детскую песенку, вернулась на кухню.

Янь Янь, получив своё, тут же замолчал.

Он стоял напротив Шао Ицяня, таинственно поднял голову, поманил пальцем, чтобы тот наклонился и подставил ухо.

Шао Ицянь неохотно фыркнул, бросил взгляд «королевского презрения» и, с недовольством наклонив голову, хотел посмотреть, что ещё за фокусы у этого мальчишки, кроме притворных слёз.

Но Янь Янь сначала дунул ему в глаза, как будто собирался сказать «Я подую, и тебе станет легче», а затем шепнул ему на ухо:

— Бьют — значит любят, ругают — значит любят, не бьют и не ругают — значит беда.

Шао Ицянь фыркнул и засмеялся.

Янь Янь тоже засмеялся, его глаза, всё ещё влажные, сияли, словно вобрав в себя весь свет неба.

В мельнице старика Шао всё ещё работала машина, и в сердце Шао Ицяня возникло чувство невероятной безопасности.

Янь Янь вытащил что-то из кармана, как будто это было сокровище, и пошёл в угол двора, бормоча:

— Если выпал нижний зуб, бросай на крышу, если верхний — в канализацию... Канализация, канализация.

Шао Ицянь же решил пойти разобраться с Чэнь Мэном, чтобы узнать, как он и его бабушка всё приукрасили, и почему в ушах бабушки Шао это превратилось в беспорядочные удары.

А ведь должна была быть награда в десять юаней!

После ужина Янь Янь, чувствуя себя виноватым, был очень послушным, помог бабушке Шао убрать посуду, поставил стол и стулья под лампой и стал писать и читать. Шао Ицяня тоже заставили делать домашнее задание, хотя он, как обычно, не имел понятия, что это такое.

Бабушка Шао, увидев, что в доме царит гармония и любовь, взяла веер и пошла к соседям — с тех пор, как она решила бросить маджонг, сидеть у ворот и болтать с соседками стало её новым увлечением, от которого она не могла оторваться.

Шао Ицянь проводил взглядом «мать-тигрицу», засунул карандаш за ухо, откинулся на спинку стула, положил ноги на стол и уже собирался закрыть глаза, как вдруг в глазах что-то мелькнуло.

Он потер глаза и увидел, что Янь Янь, сидящий справа, потер нос и с невинным видом поднял сломанный карандаш, сказав:

— Это не я... Поверь, если хочешь, это карандаш сам начал.

Они замерли, глядя друг на друга, словно боясь, что разговор перерастёт в драку. Шао Ицяннь нервно дернул уголком глаза и махнул рукой, давая понять, что пусть делает, что хочет.

Янь Янь, словно получив прощение, рванул на кухню.

Янь Янь был странным человеком. Если сказать, что он боится Шао Ицяння, то у него есть постоянное убежище — бабушка Шао, он даже может наступить на хвост тигра и вырвать у него усы; если сказать, что он не боится, то он всегда ведёт себя осторожно.

<http://bllate.org/book/16843/1549577>